

A promotional image for the movie 'The Phoenix' featuring a young man and woman in a workshop setting. The man, on the right, has dark, wavy hair and a light beard, wearing a dark jacket. The woman, on the left, has long, wavy brown hair and is wearing a brown jacket. They are both looking towards the camera with slight smiles. The background shows a workshop with various tools and equipment.

Пепел Феникса

**В главной роли
статист**

Пепел Феникса

В главной роли статист

<https://litres.ru/73908024>

SelfPub; 2026

Аннотация

Артем Березов — гениальный математик из бедной семьи, который привык всё просчитывать. Вероятность встречи с девушкой мечты? Ноль целых семь десятых процента. Шанс, что преподаватель узнает в нём курьера, доставляющего пиццу? Единица. Артем врёт всем — друзьям, одноклассникам, любимой девушке. Он врёт, что у него есть машина, деньги и нормальная жизнь. Но однажды бегство от правды заходит слишком далеко. Ирония математики в том, что самую главную формулу — как перестать бояться быть собой — нельзя вывести. Её можно только прожить. Роман о стыде, любви и людях, которые живут в двух мирах, не принадлежа ни одному.

Содержание

Глава 1. Что? Где?... а кто это?	4
Глава 2. Вторая жизнь	17
Глава 3. Его величество Купцов	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

В главной роли статист

Глава 1. Что? Где?... а кто это?

Чемпионат Санкт-Петербурга по «Что? Где? Когда?» проходит в актовом зале одного из университетов на Васильевском острове. Здесь пахнет старой мебелью, пыльными шторами и адреналином. На сцене — шесть человек за круглым столом, на экране за их спинами — табло с текущим счетом.

Артем Березов сидит ровно, пальцы сцеплены в замок. Он капитан. В этом сезоне его команда — фаворит. Они лидировали с отрывом в два очка, но все пошло под откос на десятом вопросе.

Ведущий — пожилой мужчина с голосом диктора советской школы — объявляет одиннадцатый вопрос:

— Внимание, на экран выводится изображение.

«Черт возьми», — кричит неожиданно Антимоний из команды Артема. Ведущий удивляется, но тому быстро объясняют, что у Антимония синдром Туретта.

На мониторе появляется рисунок. Симметричный орнамент. Если присмотреться, он выглядит одинаково с обеих сторон — этаким узором, который можно крутить и так, и эдак, и он не меняется.

— Данный рисунок, — продолжает ведущий, — в свое время был изображен на очень маленьком предмете, но по-

том его запретили. Вопрос: на каком предмете он был изображен и почему его запретили?

В команде Артема начинают шептаться.

— Симметричный рисунок, — говорит Ира, девушка с короткой стрижкой и острым взглядом. — Может, на монете? Но монеты не запрещают.

— На почтовой марке? — предполагает Костя, их математик.

Артем молчит. Он смотрит на рисунок и видит матросов. Там, внутри орнамента, если присмотреться, были фигурки людей в тельняшках. Матросы. И какой-то такелаж. Спичечный коробок — вот что приходит ему в голову. На спичечных коробках раньше печатали все что угодно, в том числе и такие вот затейливые узоры.

— Спичечный коробок, — тихо говорит он. — Рисунок на спичечном коробке.

Команда смотрит на него с надеждой. Но Артем увлекается. Вместо того чтобы просто озвучить версию, он начинает рассуждать вслух:

— Запретили потому, что если использовать такой коробок на палубе корабля, а на рисунке явно матросы и корабельная оснастка, то матрос из-за этого рисунка, в котором нет ни начала, ни конца, может перепутать стороны и открыть коробок со стороны головок спичек. Тогда в него попадет вода, и спички не зажгутся.

В команде повисает пауза. Ира приподнимает бровь. Ко-

стя открывает рот, закрывает, снова открывает.

Ведет он — опасная привычка. Артем это знает, но остановиться уже не может. Он чувствует ответ, он почти видит его целиком, и ему кажется, что чем больше деталей он добавит, тем ближе они к правильному ответу.

Когда приходит время отвечать, команда выдает версию Артема: спичечный коробок, запрещен из-за невозможности определить сторону, что может вызвать проблемы у определенных людей. Например, у матросов на палубе, у кого обычно мокрые руки.

Звучит сигнал ошибки.

Ведущий поправляет очки и говорит спокойно:

— Предмет действительно спичечный коробок. Но запрещен рисунок был по другой причине. Дети любят играть со спичками. А спички детям не игрушка. Поэтому в середине двадцатого века в СССР убрали с коробков любые привлекательные для детей картинки, в том числе и этот симметричный орнамент.

Артем сглатывает. Он ушел в сторону. Сам себя закопал в лишних построениях.

Счет сравнивается с двумя другими командами. Теперь у троих лидеров одинаковые показатели. Финал. Один вопрос. Все или ничего.

Ведущий объявляет двенадцатый вопрос.

— Раздаточный материал. Перед вами отрывки из официальных правил пляжного волейбола.

На экран выводятся две строки.

Первая строка: ошибка в П подачи наказывается потерей розыгрыша мяча.

Вторая строка: Мяч может отскочить П направлении.

— Замените две заглавные буквы «П» в строках, — говорит ведущий. — В любом порядке.

Команды склоняются над бланками.

Артем читает эти строки и чувствует подвох. Что-то здесь не так. В первом пропуске явно должно быть что-то про порядок подачи. В правилах спортивных игр всегда есть формулировки вроде «ошибка в порядке подачи». Это стандарт.

А второй — «мяч может отскочить в любом направлении». Это тоже звучит логично. Пляжный волейбол, ветер, неровный песок — отскок непредсказуем.

Но ведущий сказал: «В любом порядке». Не в том смысле, что команды могут отвечать как угодно. А это и есть ответ.

Артем смотрит на свои часы, на циферблате 12:34. «Время быть последовательным», — подумал он про себя.

— Там в первом пропуске слово «порядке», — говорит он. — «Ошибка в порядке подачи». А во втором — «в любом». «Мяч может отскочить в любом направлении».

— И что? — не понимает Костя.

— А теперь прочитайте первый пропуск вместе со словом, которое там должно быть.

Костя шевелит губами и вдруг выдыхает:

— «Ошибка в порядке подачи»... «в порядке»... черт.

Ира тоже понимает. Если заполнить пропуски дословно, то первое предложение заканчивается словами «в порядке». А второе — «в любом». Ведущий сказал: «В любом порядке». Это не инструкция для команд. Это сам ответ.

Они пишут.

Правильный ответ: «В любом, порядке». С запятой. Или просто два варианта заполнения пропусков.

Когда объявляют результаты, они выигрывают. За счет последнего вопроса. Артем вытащил.

В зале шум. Их команда пожимает руки соперникам, кто-то хлопает по плечу, кто-то кричит «Молодцы» с задних рядов. Артем улыбается, облегченно выдыхает и начинает оглядывать зал просто так, по привычке.

И тут он замечает девушку.

Она стоит в группе одной из команд, которые с ними сравнились перед финалом. Высокая, светлые волосы убраны назад, одета скромно, но дорого — он это видит сразу, хотя и не мог бы объяснить, по каким именно признакам. Она не кричит и не хлопает в ладоши. Просто стоит и улыбается краем губ, глядя куда-то в сторону.

Артем трогает за локоть Иру из своей команды.

— А кто это? — спрашивает он, кивнув в ту сторону.

Ира прищуривается, всматривается.

— Это Игнат, — говорит она. — Мы с ним учились вместе в спецшколе. Он на экономе сейчас, кажется. А что?

— Нет, — тихо говорит Артем. — Я показывал не туда.

Ира смотрит на него с интересом.

— Ты на Марго, что ли? — спрашивает она, имея в виду ту самую Марго, про которую в клубе ходят легенды.

Но ответить он не успевает.

Антимоний — их постоянный партнер по команде, который все это время сидел рядом и молча вертел в пальцах ручку — вдруг издает характерный звук. Он часто так делает. Синдром Туретта дает о себе знать в самые неожиданные моменты. В его случае это не просто тики, а словесные вспышки. Когда он волнуется, когда нервничает или когда ему нравится то, что он видит, он может выдать что-нибудь невпопад. И обычно это громко.

Но сейчас Антимоний не ругается и не вскрикивает. Он спокойно, даже как-то торжественно произносит:

— Дарина Солодилова, — говорит Антимоний, как будто пробует имя на вкус. — из экономического факультета. Второй курс. Отец — Солодилов Сергей Владимирович, сетевика, продуктовые сети, если ты не в курсе.

— Я не спрашивал ничего такого, — оправдывается Артем.

— Ты и не спросил, — соглашается Антимоний. — Я на опережение.

Ира фыркает.

— Вы оба ненормальные.

Но она тоже смотрит туда, где стоит Дарина, и добавляет:

— Хороша, ничего не скажешь.

Артем делает вид, что не слышит.

После игры, когда толпа начинает рассасываться, команды прощаются и расходятся по машинам. У входа в университет — будничная картина. Кто-то сигналит, кто-то машет рукой, некоторые стоят и обсуждают, где продолжить вечер.

— Меня Серега заберет, ему по пути, — говорит Костя.

— А мои уже здесь, — кивает Ира в сторону черного внедорожника.

У большинства свои машины. У тех, кто не успел получить права, — подвозят родители.

Артем стоит чуть в стороне, делает вид, что что-то ищет в телефоне.

Кто-то из девчонок — кажется, ее зовут Лена или Лиза, он не запомнил — поворачивается к нему.

— Тем, я могу подбросить до дома, если что. У меня машина. Ты где живешь?

Он поднимает голову и улыбается той самой улыбкой, которая ничего не значит.

— Спасибо, не надо. За мной приедут. Просто опаздывают. Питерские пробки, сама знаешь.

Она кивает и уходит.

Артем расслабляет плечи.

Тут к нему подходит Ира. Она уже была у машины, но вернулась, потому что забыла, как ее зовут водителя, которого ей прислал отец. Или не потому. Ира вообще любит возвращаться неожиданно.

— Слушай, Тем, — говорит она, оглядывая его с ног до головы. — Я хотела спросить. Ты приходишь в деловом костюме. Пиджак, рубашка, брюки. У тебя вообще все как у взрослого человека.

— Спасибо, — настороженно говорит Артем.

— Но обувь, — продолжает Ира. — У тебя цветные кеды. Он смотрит вниз. Серый костюм, белая рубашка, галстук. И ярко-синие кеды с белой подошвой. Это был компромисс с самим собой. Туфли — дорого. Кеды — нет. А если никто не заметит, то и проблемы нет.

Но Ира заметила.

— Интересно, — говорит она, и в ее голосе действительно слышится интерес. Не насмешка, скорее любопытство.

— А это стиль такой, — отвечает Артем первое, что приходит в голову.

— Еще не слышала про такой стиль, — Ира улыбается. — Но ты не можешь быть не прав, Тема. Потому что если ты что-то делаешь, у этого всегда есть причина. Я тебя знаю.

Она разворачивается и уходит к машине.

Когда все разъехались, на крыльце остались только Артем и Антимоний. Свет от фонаря падает на ступеньки, где-то вдалеке шумит проспект.

— Сколько можно врать? — спрашивает Антимоний без злости, скорее устало. — Предлагают — бери. Нормальная девчонка, нормальная машина. Что ты как еж?

Артем вздыхает.

— Если команда узнает, что я из неполной небогатой семьи, мне конец. Лидерское место — оно такое. Стоит им увидеть, где я живу, они поймут, что только в моем доме во всем Санкт-Петербурге говорят не «парадная», а «подъезд». Это диагноз, Антим.

— Юморист, — говорит Антимоний, но без улыбки.

— Какая разница, — продолжает Артем. — Я сам разберусь.

— Ты сам не разберешься, — спокойно говорит Антимоний. — Однажды кто-то из твоих общих знакомых увидит тебя возле твоего дома. Ты думаешь, они слепые?

Артем закрывает глаза на секунду, потом открывает и начинает говорить. Голос у него становится другим — не капитанским и не веселым, а тем, который он использует, когда нужно доказать очевидное.

— Смотри. Петродворцовый район. Я выхожу из дома дважды в день. Стою у парадной — ну, у двери, которая сразу на улицу, не во двор, назовем ее парадной — от силы десять минут суммарно. Это десять минут из тысячи четырехсот сорока. Ты понимаешь?

Антимоний кивает. Он знает эту манеру. Когда Артем начинает говорить цифрами, его не остановить.

— Вероятность, что кто-то конкретный пройдет именно в эти минуты, — примерно ноль целых семь десятых процента. То есть семь десятых процента, если переводить в дроби. Это если не учитывать главное.

— Главное — что?

— Главное — что этот человек вообще должен оказаться в Петергофе. А Петербург устроен хитро. Он сегрегирован. Парень с Крестовского острова или из Московского района не поедет гулять в Петергоф без жесткой причины. Просто так, сесть и поехать — нет. Статистика мобильности говорит, что вероятность случайного появления такого человека в моем секторе — меньше трех процентов в любой день.

— Допустим, — соглашается Антимоний.

— Теперь самое важное. У меня не один знакомый, а сорок. Ты скажешь: сорок человек повышают шансы. Расслабься, не повышают. Частота проезда любого из них мимо моего дома — раз в два-три месяца. Я посчитал. Сорок человек дают ноль целых три десятых появления в день на всю группу. То есть один проезд раз в три дня. Грубо.

— И что в итоге?

Вопрос тонко выделен в тексте, поэтому добавляю развернутое объяснение расчетов Артема, но простыми словами, без сухого пересказа формул.

— Считаем финал. Семь десятых процента умножаем на три процента. Получается двадцать одна десятитысячная процента. Двадцать одна десятитысячная умножаем на ноль целых три десятых. Итог — шесть целых три десятых умножить на десять в минус пятой степени. В переводе на обычный язык — вероятность встретить кого-то из знакомых около моего дома в любой случайный день составляет примерно

шесть шансов из ста тысяч. Это с учетом всех сорока человек.

Антимоний молчит.

— За учебный год, — продолжает Артем, — накопленная вероятность встречи с кем-то из них — меньше одного процента. Понимаешь, меньше одного процента за год. Сорок человек — не аргумент. Это разреженное облако точек. Математически я призрак. Никто из нашего круга не увидит меня у дома за все время учебы.

Он замолкает. Антимоний смотрит на него.

— Жаль, что мне пару шагов до дома, — говорит Антимоний. — Так бы подвез. И все твои вероятности пошли бы лесом.

Артем усмехается.

— Именно поэтому ты мой друг.

Они расходятся. Антимоний сворачивает за угол, а Артем идет к станции.

Домой Артем возвращается около часа ночи. Свет в окнах не горит, но это не значит, что все спят. Скорее наоборот. В их квартире свет не горит именно тогда, когда все проснулись, а тишина — маркер того, что кто-то только что заснул и будить его нельзя.

Он открывает дверь ключом, стараясь не греметь. В прихожей пахнет таблетками и чем-то кислым — кажется, вчерашним супом.

Из комнаты выходит младший брат Рома. Ему двенадцать.

В этом возрасте мальчики еще не умеют скрывать усталость, и сейчас его лицо серое, под глазами круги.

— Тш-ш-ш, — шепчет Рома, поднося палец к губам. — Мать только уснула. Я ее час укладывал. Час, Тем.

Артем кивает, снимает кеды и тихо проходит в комнату.

Мать лежит на кровати. Она в халате, волосы растрепаны, руки поверх одеяла. Рядом с кроватью стоит ее коляска. Складная, старенькая, колеса уже не те, что были раньше — одно скрипит, другое болтается. Сосед дядя Вова починил ее на прошлой неделе, но сказал, что это последний раз, дальше либо новую, либо никак.

Артем берет плед с кресла и аккуратно накрывает мать. Она вздыхает во сне, но не просыпается.

Он выходит обратно в прихожую. Рома стоит, прислонившись к стене.

— Ты выиграл? — шепчет Рома.

— Да, — говорит Артем. — Мы выиграли.

Рома улыбается, но тут же подавляет зевок.

— Молодец, — говорит он. — Я пойду досыпать.

— Ром, — останавливает его Артем. — Скоро я накоплю нужную сумму. И куплю ей нормальную коляску. Откидную. С хорошими колесами. Ты не переживай.

Рома смотрит на него. В двенадцать лет он знает, что слова старшего брата не всегда означают то, что случится завтра. Иногда они означают «может быть через полгода». Иногда — «я очень хочу, но не знаю, как».

— Ладно, — говорит Рома и уходит в свою комнату.

Артем остается в прихожей один. Сквозь тонкую стену слышно, как засыпающий Рома ворочается на кровати. А из комнаты матери доносится ее дыхание — тяжелое, с присвистом, как у человека, который не отдыхает даже во сне.

Он садится на корточки и смотрит на свои цветные кеды в тусклом свете из окна.

Артем заходит в свою комнату, не раздеваясь. Костюм, в котором он только что побеждал в чемпионате, теперь кажется неудобным — воротник давит, рукава на локтях натянулись. Он падает на кровать лицом в подушку, нашаривает рукой телефон.

Глава 2. Вторая жизнь

Будильник на час. Ровно.

Закрывает глаза.

Ровно через час телефон вибрирует под ухом. Артем не слышал звонка — он вообще не помнил, как заснул. Просто открыл глаза, и в комнате уже серый утренний свет, а часы показывают половину седьмого.

Он садится на кровати, трет лицо ладонями и начинает переодеваться.

Пиджак и рубашку вешает на спинку стула. Достает из шкафа рабочее: старые джинсы, выцветшую толстовку с капюшоном. Надевает. Потом смотрит вниз и видит свои туфли — те, которые он так и не надел вчера, потому что они жмут и натирают. Рядом — вчерашние цветные кеды.

Другой обуви у него нет.

Точнее, есть еще сланцы для душа и зимние ботинки, но сейчас не сезон. Поэтому он снова натягивает те же самые кеды, которые вчера заметила Ира. Денег на вторую пару просто нет. Даже на дешевые китайские кроссовки из перехода. Символично, конечно, что человек с победой в интеллектуальном турнире не может позволить себе сменную обувь для стройки и для учебы, но это как есть.

Он выходит из дома.

Велосипед стоит у подъезда — здесь его никто не укра-

дет, потому что в Петродворцовом районе велосипеды воруют только если они дорогие, а его велосипед был куплен с рук за три тысячи рублей и выглядит соответствующим образом. Одна педаль скрипит, цепь перемазана, тормоза работают через раз.

Артем садится и крутит полчаса до объекта.

Объект — трехкомнатная квартира в старом фонде на Петроградской стороне. Заказчики — люди с деньгами, которые купили квадратные метры в доме с лепниной на потолке и теперь хотят сделать там «евроремонт с элементами лофта». Что это значит, никто точно не знает, но Сергеич говорит: «Плевать, главное — платят».

Артем поднимается на лифте. На площадке четвертого этажа пахнет свежей штукатуркой и малярным скотчем. Дверь в квартиру открыта.

Сергеич стоит посреди пустой гостиной в своих неизменных рабочих штанах и растянутой футболке. Ему под пятьдесят, он курит «Винстон» одну за другой и руководит бригадой так, будто каждый день у него последний.

Увидев Артема, он расплывается в улыбке.

— О! Дэн! Тебя не хватало! — говорит Сергеич громко, называя Артема по прозвищу, перекрывая шум перфоратора из соседней комнаты. — Получай подарок, чемпион!

Артем улыбается. Сердце екает от гордости. Неужели уже знает про ЧГК? Неужели новости дошли даже до стройки?

— Ого, — говорит Артем, снимая рюкзак. — Вы уже зна-

ете?

— Знаю что? — переспрашивает Сергеич, абсолютно искренне.

И прежде чем Артем успеваеt ответить, бригадир подхватывает с пола мешок штукатурки весом в двадцать пять килограммов и накидывает его Артему на плечо.

— Тащи, — коротко командует Сергеич и кивает в сторону комнаты, где уже ждут другие мешки.

Артем открывает рот, закрывает, потом усмехается сам себе. Конечно, не знает. Откуда Сергеичу знать про «Что? Где? Когда?» Ему важнее, чтобы штукатурка была на месте. Глупо было надеяться.

Он перехватывает мешок поудобнее и идет к куче стройматериалов в углу.

Он перетаскивает мешки один за другим. Первый, второй, третий. Штукатурка, потом сухая смесь для стяжки, потом еще штукатурка. Пот характерный — тот, который проступает через минуту после начала физической работы, когда организм еще не понял, что его заставляют делать.

Где-то между пятым и шестым мешком Артем останавливается на минуту, вытирает лоб рукой и случайно смотрит на часы — дешевый Casio, который достался от отца.

Три часа четырнадцать минут.

То есть 3:14.

Артем сам себе усмехается и тихо говорит:

— Да, мы ходим по кругу.

Он не знает, услышал ли его кто-то. Скорее всего нет.

Он берет следующий мешок.

— Блин, да это на самом деле Пи...

— ...здесь будет унитаз! — донесся из-за стены голос Сергеича. — А там раковина. Усекли, народ?

Потом, когда Артем заканчивает с мешками и садится на подоконник выпить воды, Сергеич подходит сам, достает вторую сигарету, прикуривает и спрашивает:

— Ну, чего расскажешь? Как там твоя интеллектуалка?

Артем оживает. Он рассказывает про чемпионат, про рисунок на спичечном коробке, про правила пляжного волейбола, про то, как они вырвали победу на последнем вопросе. Говорит быстро, с азартом, потому что не с кем больше это обсудить — дома ждет Рома и больная мать.

Сергеич слушает, курит, выпускает дым в сторону открытого окна.

— Вот поэтому ты у нас, — говорит он, когда Артем заканчивает. — Нам кто попало не нужно. Интеллигенты у нас. С высшим почти образованием. Другие бы уже давно ныли, а ты мешки таскаешь и еще шутки шутишь.

Артем не знает, комплимент это или констатация факта. Но звучит приятно.

Сергеич оглядывает стены. Они пока голые, кирпичные кое-где, с остатками старых обоев.

— Слушай, Дэн, — говорит он, понижая голос. — Если такой случай, хочешь что-то новое попробовать? Не просто

нам смесь делать, а работу посерьезнее?

Артем настораживается.

— А что именно?

— Давай будешь маяки ставить.

Артем слышал это слово, но не уверен, что понимает его правильно. Маяки — это вроде бы то, по чем делают штукатурку, чтобы стена получилась идеально ровной. Но как именно?

Сергеич объясняет. Терпеливо, не спеша, как учитель, который уже сто раз объяснял эту тему, но готов объяснить сто первый.

— Смотри, — говорит он, беря в руки лазерный уровень. — У стены есть самое выпуклое место. Вот тут, например, стена уходит вперед на пять миллиметров. Твоя задача — найти эту точку, где стена выпирает сильнее всего. Потом прибавляешь к этому два-три миллиметра, чтобы потом можно было нормально штукатуркой пройти. И от этой точки ты ставишь маяки — такие направляющие, по которым потом штукатурки равняют стену. С лазером работаешь. Понял?

— Понял, — говорит Артем.

— Ну и отлично. Давай, принимайся. А я пойду посмотрю, как там электрику проводку штробят.

Сергеич уходит. Артем остается один в комнате.

Он берет лазерный уровень, ставит его на треногу, включает. Красный луч бежит по стене. Артем смотрит на него,

потом на цифры на экране.

Все не так просто, как казалось.

Он начинает искать самую выпуклую точку. Проходит по стене в одном направлении, записывает показания. Потом в другом. Потом по диагонали. Цифры пляшут. Разброс от трех до восьми миллиметров. Но где ноль? Относительно чего он измеряет?

— Ага, — говорит он вслух. — Мне нужно найти максимум. То есть экстремум функции. Тут я буду градиент использовать.

Он даже начинает в уме прикидывать, как нанести стену на координатную плоскость, как найти направление наискорейшего возрастания...

Из коридора доносится голос Сергеича:

— Не, Дэн, градиента у нас нет. Только мастерок. Делай.

Артем вздыхает. Конечно, никакого градиента. Можно просто пройти по стене и глазом определить, где она выпирает. Но привычка мыслить математически берет свое. Он начинает возиться с лазером всерьез — выверяет горизонт, проверяет, не криво ли стоит тренога, перепроверяет показания на разных участках.

Проходит час. Он еще не закончил.

Проходит два часа. Он доделывает только первый маяк.

Сергеич заходит в комнату, смотрит на часы, потом на Артема, потом на одинокий маяк, приклеенный на гипс в углу стены.

— Дэн, — голос у него спокойный, но тем и страшный. — Где маяки? Штукатуры стоят! За это время уже десять комнат можно было маяками отделать. Да что там, маяк целый построить можно было. А у тебя один. И тот, судя по всему, с погрешностью.

Артем поднимает голову. Он уже устал, глаза красные, руки дрожат от напряжения.

— Сергеич, — начинает он. — Лазер дает погрешность ноль целых две десятых миллиметра. Это в теории. На практике пол вибрирует от шагов ребят в соседней комнате. Я это заметил. Поэтому я повесил отвес — страховочный, так сказать. Но из-за сквозняка возникли колебания маятника. Я рассчитал амплитуду и период, чтобы найти истинную вертикаль. Но тут возникла новая проблема: из-за плотности соседней капитальной стены идет гравитационное отклонение нити. Понимаете? Гравитационное. Нить отклоняется на доли миллиметра, но на длине стены в три метра это дает погрешность...

Сергеич слушает, сначала с недоумением, потом с нарастающим раздражением.

— Какая гравитация?! — перебивает он. — У нас слой гипса — три сантиметра! Ты собираешься стену ровнять или диссертацию писать?

Артем продолжает, будто не слышит:

— Если сейчас не учесть этот косинус, на стыке с потолком возникнет нелинейная щель. Буквально через полгода

гипс может дать усадку, и щель превратится в трещину, которая по диагонали уйдет к окну. Я не могу это игнорировать, это же элементарная физика.

Сергеич делает глубокий вдох. Кажется, он считает до десяти. Или до трех. Скорее до трех.

— Сейчас, — говорит он, медленно и четко, — у тебя в зарплате возникнет нелинейная щель. Бери лазер и ставь как есть, математик, пока я тебя этим маятником не перекрестил.

Артем открывает рот, но Сергеич уже разворачивается и уходит, громко хлопнув дверью.

Артем смотрит на свой недо-маяк, на отвес, на лазер. Потом берет инструмент и начинает ставить маяки без расчетов — просто на глаз, как все нормальные люди. Получается быстрее. Но внутри у него все кипит. Потому что он был прав. В теории.

На практике прав был Сергеич.

Артем заканчивает с опозданием на полтора часа. Штукатуры, которые ждали его маяки, молча начинают работу, но Сергеич все равно недоволен. Он стоит у окна, читает какие-то бумаги и не смотрит в сторону Артема.

Артем собирает свои вещи. И тут замечает странную вещь: у Сергеича на стуле стоит рюкзак. Точно такой же, как у него самого. Та же модель, тот же цвет, даже потертости на одном и том же месте. Дешевый китайский рюкзак, который продается на каждом рынке, но все равно совпадение смеш-

ное.

Сергеич поворачивается.

— Слушай, Дэн, не забудь про глину.

Артем замирает.

— Дарину? — переспрашивает он.

Сергеич поднимает бровь.

— Что — Дарину?

— Вы сказали: не забудь Дарину, — говорит Артем.

Сергеич смотрит на него долгим взглядом. Потом качает головой.

— Нет, я сказал не забудь Галину, черт возьми. Галину Бланка. Нам не хватает глины, — он тычет пальцем в список материалов, — не хватает именно ее для смеси. Да.

Артем моргает. Глинка — это марка плиточного клея. Он знает это. Но его мозг почему-то услышал совсем другое имя. Дарина Солодилова. Та самая, которую Антимоний назвал вчера на игре.

Сергеич продолжает:

— Черт, я сказал «глинку». Так называемый плиточный клей, если ты не понял на все время нашей работы. Глинка. Запомни. Глина нужна.

— Понял, — тихо говорит Артем. — Глина. Привезу.

Он отворачивается, чтобы Сергеич не заметил, как у него загорелись щеки.

Проходит еще несколько часов. Артем работает, помогает переносить материалы, мешает раствор. В какой-то момент

он подходит к окну, вытирает руки о ветошь и смотрит на часы.

Тринадцать тринадцать. 13:13.

Зеркальное время.

— Черт возьми, — вырывается у него.

Громко. Слишком громко для пустой комнаты. Но Антимония нет рядом, поэтому никто не удивится, что Артем произнес эту фразу — любимую поговорку друга. Он просто смотрит на циферблат и понимает, что опаздывает на пару. В Вышку. На теорию игр. Первая лекция, которую ведет Купцов — тот самый преподаватель, про которого говорят, что он ставит тройки отличникам за то, что они не так сели.

Артем хватается за рюкзак, на ходу застегивает молнию и бежит к выходу.

— Сергеич, я все! — кричит он на бегу. — Завтра доделаю!

Сергеич только машет рукой.

После того, как Артем выбегает, в комнате наступает тишина. Слышно только, как штукатурки в соседней комнате переговариваются вполголоса.

Сергеич смотрит на часы. Половина второго. Время обеда.

Он подходит к стулу, где стоит рюкзак. Не свой — он перепутал, когда собирался утром. В темноте, видимо, схватил не тот. Ладно, сейчас перекусит.

Он открывает рюкзак, залезает рукой внутрь и достает...

яблоко. Нормальное такое яблоко, красное, с бочком. Потом лезет дальше и достает учебник.

Толстый такой, в желтой обложке. «Демидович. Задачи по математическому анализу».

Сергеич смотрит на яблоко. Потом на учебник. Потом снова на яблоко.

— Что? — говорит он вслух. — Жена мне положила яблоко и... учебник Демидовича?!

Он листает страницы. Задачи. Интегралы. Пределы. Производные.

— Она что, развестись хочет? — спрашивает он у пустой комнаты. — Я не понял.

Потом до него доходит. Он взял не тот рюкзак. Они одинаковые, черт возьми. Это Артемов рюкзак. А свой он, выходит, отдал этому математику.

Сергеич вздыхает, засовывает учебник обратно и идет курить. С голодным желудком.

Высшая школа экономики в Санкт-Петербурге на Кантемировской улице — это здание, которое трудно назвать красивым в классическом смысле. Стекло, бетон, острые углы. Внутри — длинные коридоры, где эхо шагов смешивается с запахом кофе из автоматов и дешевых духов первокурсниц. Здесь нет пыльных портретов старых профессоров и скрипучих парт. Вместо этого — пластик, хромированные перила и таблички с надписями «Зона коворкинга». Альма-матер Артема. Место, где он уже четвертый год доказывает, что па-

рень из Петродворцового района с цветными кедами может быть лучшим на потоке.

Глава 3. Его величество Купцов

Он знает, что опаздывает. Автобус стоял в пробке на проспекте Стачек, потом он пересел на метро, потом бежал от станции «Спортивная». Сердце колотится, под мышкой взмокло. Но как только он заходит в холл, его перехватывают.

— Артем Березов! Стойте!

Заместитель директора по молодежной политике. Женщина лет сорока с ровной спиной и голосом, который привык не просить, а утверждать. Она идет к нему быстрым шагом, в руках — планшет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.